

ОБРАЗ ОСЛА В РАБОТЕ «ТАК ГОВОРИЛ ЗАРАТУСТРА» ФРИДРИХА НИЦШЕ

В. В. Осипчук

Белорусский государственный университет, г. Минск;

uladzimir.asipchuk@gmail.com;

науч. рук. – А. А. Легчилин, канд. филос. наук, доц.

Работа посвящена роли и месту образа осла в произведении Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра», для определения которых выявляются основные доминанты этого образа в европейской культуре от Античности до Нового Времени: выносливость, терпеливость, упрямство, смирение, глупость, наивность, неудержимая сексуальность. Перечисленные черты, характеризующие осла как фигуру многогранную и противоречивую, используются в «Так говорил Заратустра» не только в традиционном, но и в специфическом ключе. Осёл, являющийся одним из центральных героев четвёртой части «Так говорил Заратустра», оказывается метафорой «Золотого осла» Апулея, а в главе «Праздник осла» и вовсе несёт в себе важное для Ф. Ницше противопоставление дионисийского и аполлонического начал. Животное играет основную роль в возрождении дионисийской религии, которая, будучи религией природной и естественной, противостоит сверхъестественному христианству. Осёл в четвёртой части «Так говорил Заратустра» не просто зверь, а ипостась Диониса, ведущего Заратустру к духовной трансформации.

Ключевые слова: Ницше; Заратустра; образ осла; дионисийское начало; Золотой осёл; Праздник осла;

Интерпретации сочинений Фридриха Ницше до сегодняшнего дня вызывают множество споров. Метафоры философа запутывают читателя в лабиринте ассоциаций и образов, которые нередко определяют в контексте мифологических детерминант европейской культуры. Одна из таких метафор – образ осла, зверя, который, по мнению Йорга Салакуадры, «среди животных четвёртой части («Так говорил Заратустра» – В. О.) играет наибольшую роль» [1, с. 181]. В связи с чем возник этот образ, в каком контексте нужно его понимать, какие новые идеи вкладывал в него Ф. Ницше? В данной работе мы попытаемся ответить на эти скудно освещённые в русскоязычной науке вопросы.

Будучи филологом-классиком, Ф. Ницше несомненно знал символическую роль животного в европейской культуре. Поэтому осмысление образа осла непосредственно в «Так говорил Заратустра» логично предварить изучением предыстории этого культурного символа. Осёл встречается в европейской литературе уже в произведениях Античности. Так, Гомер, восхваляет Аякса, который, «точно осёл, шёл по полю битвы, не обращая внимания на удары врагов» [2, с. 158]. Центральное место занимает образ этого животного в «Золотом осле» Апулея – романе о беспутном юноше, по глупости превратившемся в осла.

На долю героя выпадают многочисленные испытания, которые ему приходится выносить с по-настоящему ослиным упорством.

Упоминается осёл и в священных иудейских и христианских текстах. Так, Авраам на осле смиренно везёт сына на заклание [3, с. 22]. Ослица Валаама демонстрирует глупость своего хозяина [3, с. 152]. Рождение Иисуса произошло в хлеву, где младенца, согласно апокрифам, своим дыханием согревал осёл и вол [4, р. 257]. На осле Иисус въезжает в Иерусалим [3, с. 1039], тем самым умышленно принижая себя, избрав для передвижения такое низкое животное [5, р. 58].

В Средневековье получило распространение явление «ослиной мессы» – службы, во время которой в церковь торжественно вводили для поклонения осла. Анализируя это явление, В. Т. Фаритов, ссылаясь на М. М. Бахтина, отмечал, что осёл являлся одним из древнейших символов материально-телесного низа, одновременно снижающего и возрождающего [6, с. 78].

Используется образ осла и авторами эпохи Ренессанса и Нового времени. Так, Никколо Макиавелли в стихотворении «Золотой осёл» раскрывает положительный смысл «ослиности» как способности жить в соответствии со своими возможностями, невзирая на неудачи [7, р. 103]. В работах «Изгнание торжествующего зверя» и «Тайна Пегаса» Джордано Бруно, с одной стороны, критикует ослиную педантичность и лень, а с другой, хвалит животное за упорство и выносливость [7, р. 104]. В англоязычной культуре образом осла активно пользовался Уильям Шекспир, подчёркивая отрицательные черты «ослиности»: низкий интеллект, упрямство, чрезмерную сексуальность. Так, в пьесе «Сон в летнюю ночь» царь фей и эльфов Оберон заставляет свою жену Титанию влюбиться в простолудина с ослиной головой, наказывая её тем самым за строптивость и неверность. Джил Бау считает неслучайным, что именно У. Шекспир для обозначения осла как животного низкого ввёл в литературный язык слово «ass», переводящееся как «задница» [5, р. 60].

Из сказанного выше можно выделить черты, характерные для образа осла в европейской культуре: выносливость, терпеливость, упрямство, смирение, глупость, наивность, неудержимая сексуальность. Эти черты обыгрывает в работе «Так говорил Заратустра» и Ф. Ницше. Ниже мы рассмотрим лишь несколько из них: выносливость, глупость и упорство.

С качеством выносливости связано первое упоминание осла в «Так говорил Заратустра»: «Жизнь тяжело нести; но не притворяйтесь же такими нежными! Мы все прекрасные выючные ослы и ослицы» [8, с. 50]. В притче о трёх превращениях (упоминающийся в ней верблюд, по мнению Жюль Делёза, синонимичен ослу [9, с. 60]) дух желает, чтобы его

«хорошенько навьючили» [8, с. 29]. Он хочет «радоваться силе своей ... унизиться, чтобы заставить страдать свое высокомерие ... осмеять свою мудрость» [8, с. 29-30]. Обыгрывая традиционную ассоциацию животного с глупостью, Заратустра, видя перед собой двух королей вместе с навьюченным ослом, с усмешкой замечает: «Я вижу двух королей и только одного осла!» [8, с. 319]. В главе «Праздник осла» отмечается, что Заратустра «мог бы от избытка мудрости сделаться ослом» [8, с. 412]. Говоря об упорстве великих людей прежних эпох, Ф. Ницше замечает, что «прославленные мудрецы – вьючные животные. Ибо всегда тянут они, как ослы, – телегу народа!» [8, с. 134].

Однако помимо характерных для европейской культуры черт, в четвёртой части «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше вносит в образ осла и специфические для его философии детали, требующие особой интерпретации. Традиционно осёл в четвёртой части однобоко воспринимался как символ народа (комментарий к «Так говорил Заратустра» Георга Науманна) [10, с. 199], толпы («Учение Ницше» Лоуренса Ламперта) [11, р. 308], народа и прогресса («Маска Просвещения» Стэнли Розена) [4, р. 250], государства («Возвращение в Зильс-Мария» Грега Уиллока) [4, р. 250]. Эти сходные интерпретации, однако, были пересмотрены более поздними исследователями, сконцентрировавшимися на эпизоде «Праздник осла» – своеобразной пародии «ослиной мессы». Во время праздника гости Заратустры на коленях поклоняются ослу, превознося его терпеливость, выносливость и смирение, осмысление чего преобразует пророка.

В этом эпизоде легко усматриваются отсылки к тайной вечери и платоновскому «Пиру». Более интересны, однако, параллели с «Золотым ослом». Исследовавшая их Кэтлин Хиггинс выделяет общие мотивы сострадания (которое в «Золотом осле» постоянно связано с несчастьем, а у Заратустры получает определение «последнего греха»), исцеляющей силы роз (для очеловечивания герой Апулея должен был съесть бутон розы [12, с. 156]; Заратустра, желая вылечить «совестливого духом», бросает ему букет роз [8, с. 396-397]), посвящения в религиозный культ [13, pp. 232-242].

Последнее нуждается в особом рассмотрении. Согласно исследователям, «Золотой осёл», завершающийся переходом заглавного героя в культ Изиды, был написан с целью утверждения природной (естественной) религии в противовес распространявшемуся в то время сверхъестественному христианству [4, р. 264]. У «Праздника осла» обнаруживается схожая функция: в нём христианство преобразуется из противоестественной (противоприродной) религии в религию природную. Эта религия – религия Диониса, который представлен как бог-осёл [4, р. 255], бог

земного существования [4, р. 255]. Так, в одном из писем Ф. Ницше называет «Так говорил Заратустра» «пятым евангелием» [цит. по 4, р. 21], призванным заменить прежнее христианство новым, аналогично тому, как Новый Завет вытеснил Ветхий Завет». Л. Ламперт также видит цель «Так говорил Заратустра» в утверждении новой религии: «он (Ф. Ницше – В. О.) уже восстанавливает дионисийскую религию» [11, р. 227]. При этом «Дионис не появится как бог из машины... он вернётся только после наивысшего достижения ... Заратустры... он переродится не из чрева Семелы или бедра Зевса, а из музыки Заратустры» [11, р.229].

Отмечая неудержимую сексуальность как извечное ослиное качество, Т. К. Сеунг тоже соотносит осла с Дионисом. Неслучайно в начале четвёртой части животное нагружено вином – напитком бога [4, р. 266]. Осёл отождествляет бога плодородия, а поклонение богу-ослу – это поклонение матери-природе. При этом Дионис – не сверхъестественное божество, помещённое на небеса поэтами, а естественное, природное божество земли. Вместо того, чтобы принимать природу как творение бога, гости Заратустры поклоняются ей как единственному богу, который создаёт всё [4, р. 266]. Праздник осла – это праздник дионисийский, который знаменует возвращение к природной религии [4, р. 269]. «Если мать-природа божественна, – отмечает Т. К. Сеунг, – то мы должны выражать ей своё почтение через ритуалы. Иметь такие ритуалы и праздники для матери-природы – значит исповедовать религию природы. Такую естественную религию и утверждает Заратустра» [4, р. 261].

Таким образом, осёл, будучи одним из центральных персонажей четвёртой части «Так говорил Заратустра», несёт не только традиционные для европейской культуры смыслы выносливости, глупости, смирения и терпеливости, но и специфичное для Ф. Ницше дионисийское утверждение натуральной и естественной (в противовес сверхъестественному христианству) религии.

Библиографические ссылки

1. *Salaquadra, J. Zarathustra und der Esel: Eine Untersuchung der Rolle der Esel im Vierten Teil von Nietzsches Also sprach Zarathustra / J. Salaquadra // Theological Viatorum. – 1973. – № 11. – S. 181–213.*
2. *Гомер. Илиада / Гомер. – СПб.: Наука, 2008. – 573 с.*
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Московская Патриархия, 1988. – 1371 с.
4. *Seung, T.K. Nietzsche's Epic of the Soul: Thus Spoke Zarathustra / T.K. Seung. – Lanham: Lexington Books, 2005. – 370 p.*
5. *Bough, J. The Mirror Has Two Faces: Contradictory Reflections of Donkeys in Western Literature from Lucius to Balthazar / J. Bough // Animals. – 2011. – №1. – pp. 56–68.*

6. *Фаритов, В.Т.* Творчество Ницше и народная культура средневековья и Ренессанса / В.Т. Фаритов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Философия. Филология. – 2017. – № 1(21). – С. 54–71.
7. *Henny, J.M.* The Philosophical Donkey / J.M. Henny. // The Philosopher. – 2013. – № 101(2). – pp. 97–113
8. *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. – М.: Астрель, 2010. – 416 с.
9. *Делёз, Ж.* Ницше / Ж. Делёз. – СПб.: Аксиома, Кольна, 1997. – 186 с.
10. *Zarathustra–Commentar:* в 4 т. / G. Naumann. – Leipzig: Verlag von H. Haesel, 1889–1901. – Т. 4: *Zarathustra–Commentar: Vierter (letzter) Theil* / G. Naumann. – 1901. – 338 s.
11. *Lampert, L.* Nietzsche's Teaching: An Interpretation of Thus Spoke Zarathustra / L. Lampert. – New Haven: Yale University Press, 1989. – 392 p.
12. *Апулей.* Метаморфозы, или золотой осёл / Апулей. – М.: Художественная литература, 1988. – 399 с.
13. *Higgins, K.M.* Nietzsche's Zarathustra / K.M. Higgins. – Philadelphia: Temple University Press. –1990. – 306 p.